

Елене Кондратьевой-Сальгеро

Провинция все еще верит
в схороненный прадедами клад.

Оноре Бальзак. Старая дева

Глава 1

Александра протянула руку, нащупывая впотымах клавишу звонка, смутно белеющую на каменном столбе ворот. Нажимая ее, она всматривалась в глубину сада за решеткой ограды. Вдали виднелись освещенные окна, полускрытые кустарниками, еще безлистными. Только что прошел дождь, и весенний сад пах свежо и горько. Никакого движения в нем не было заметно, слух женщины улавливал только стук падающих с ветвей капель. «А ведь меня должны ждать!» — подумала она, вновь нажимая звонок.

Вернувшись к такси, которое все еще стояло на обочине извилистой деревенской улицы, Александра открыла дверцу и, склонившись, по-французски уточнила у водителя, который переговаривался по рации с диспетчером:

— Это точно, дом восемьдесят шесть Вэ?

— Да, да, мадам! — оживился таксист-вьетнамец, ткнув пальцем в экран навигатора, где красным

флажком был обозначен конечный пункт. — Вы не поедете обратно?

— Нет...

— Жалко... Мне тут не найти пассажиров в Париж! Придется ехать пустым... — Водитель все еще смотрел на нее выжидающе, словно рассчитывал, что она вдруг переменит решение и вернется с ним в город. — Тут все уже спят!

Когда такси все же тронулось и скрылось за поворотом безмолвной деревенской улицы, окруженной такими же безлюдными темными садами, как тот, возле которого стояла Александра, женщина подумала с запоздалой тревогой, что ей стоило бы вернуться в Париж. «Похоже, звонок не работает, или его не слышат. Такси тут не поймашь, где вокзал, я понятия не имею. Прохожих в полночь не встретишь, номера стационарного телефона особняка у меня нет... Мобильный Натальи почему-то не отвечает... Однако, ситуация! Да еще багаж!»

Багаж тревожил художницу больше всего. Личных вещей у нее с собой было всего ничего, одна небольшая сумка — Александра всегда путешествовала налегке. Но вот маленький чемодан, купленный специально для этой поездки, чемодан, который она взяла с собой в качестве ручной клади и с которым боялась расстаться на миг.. Александра в сердцах нажала звонок в очередной раз и уже не отнимала пальца от клавиши. «Я стою тут, среди ночи, в безлюдном месте, и трясусь над рисунками экспрессионистов, которые хозяйка непременно пожелала доставить из Москвы, и непременно при моем содей-

СФИНКСЫ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

ствии... Она прекрасно знала, что я должна приехать сегодня, около этого часа, но отчего-то не торопится меня встречать! Надо было все же вернуться в Париж, переночевать в каком-нибудь отеле, тем более все счета Наталья взялась оплатить, и уже с утра ехать сюда... Кто знает, какие тут, в деревне, нравы? Может, ложатся спать с курами и не ждут гостей в такое неприлично позднее время?!»

Начал моросить дождь. Александра накинула капюшон и, сердито оглядев улицу, взялась за выдвижную ручку чемодана. Она двинулась вдоль ограды, рассчитывая найти другой вход, с исправным звонком.

Сад оказался большим. Дом 86-В (табличку с номером она обнаружила на одном из каменных столбов ограды, что несколько ее обнадежило) был последним в конце деревенской улицы. Далее, там, где ограда делала поворот, тротуар превращался в дорожку, усыпанную крупным щебнем. За околицей тянулись темные поля, испускающие пряно-услашенный запах размокшего навоза и молодой зелени. Александра с минуту вдыхала его, пытаясь представить себе невидимую местность. «Кажется, до самого горизонта больше нет ничего, кроме пашни... Ну и глушь... Я-то думала, это больше похоже на город, пусть крошечный!»

Дождь усиливался. Стемнело к этому времени так, что женщина с трудом различала прутья решетки рядом со своим лицом. Освещенные окна все еще маячили в глубине сада, но это было единственное свидетельство того, что дом обитаем. Александра,

все больше раздражаясь, пошла быстрее, глубже на-
двинув капюшон. «Не хватало еще вымокнуть
насквозь вместе с рисунками... Хотя чемодан, кажется,
непромокаемый, но все же... Все же...»

Внезапно она остановилась, различив в шаге от
себя некое препятствие. В первый миг ей показалось,
что на пути лежит огромная собака, настороженно
поднявшая голову. Впрочем, Александра не успела
испугаться, немедленно осознав, что едва не столкну-
лась с каменной статуей. Вторая статуя, точно такая
же, виднелась впереди, на расстоянии нескольких
метров. «Похоже, я наткнулась на главный въезд в
усадьбу! — поняла женщина, склоняясь к скульптуре
и убеждаясь в своей правоте. — Да, верно, собака...
Или лев... Да кто бы ни был, главное, это еще один
вход!»

Высокие решетчатые ворота, которые охраняли с
двух сторон каменные изваяния животных, были рас-
пахнуты. Не колеблясь, Александра вошла в них и,
все убыстряя шаг, направилась к дому. Дождь, словно
подстерегавший момент, когда она переступит грани-
цу сада, хлынул вдруг с такой силой, что женщина
пустилась бегом. Она перевела дух, только оказав-
шись под навесом возле двери, слабо освещенной
падавшим из ближайшего окна светом. Художница
безуспешно поискала звонок, постучала, затем взя-
лась за ручку и обнаружила, что дверь не заперта.
Потянув ее на себя, она вошла в дом и очутилась в
кухне.

Просторная комната с белеными стенами и холод-
ным очагом в углу оказалась пустой. Серые каменные

СФИНКСЫ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

плиты пола были влажны: не то их недавно вымыли, не то это было их обычное свойство. На газовой плите стоял большой эмалированный чайник с закопченными боками. Простой сосновый стол, занимавший всю середину комнаты, с придвинутыми к нему плетеными стульями, невзрачными и крепкими, какие можно встретить в церкви, несколько шкафов вдоль стен, огромная корзина у входа, на дне которой обреталось несколько багровых луковиц, — это была вся обстановка кухни, по-казарменному чистой, холодной и безликой. Помещение ярко освещалось двумя свисавшими с потолка лампами под жестяными абажурами. Александра, щурясь от света, казавшегося после уличной темноты слишком резким, огляделась и прикрыла за собой дверь, чем разом отсекала нарастающий гул расходившегося дождя.

В коридоре, куда вела единственная дверь из помещения, послышались быстрые шаги. Художница ожидала увидеть хозяйку дома, свою старую московскую знакомую, перебравшуюся не так давно на постоянное жительство в Париж, но на пороге кухни появился незнакомый молодой человек. Он вошел, явно не ожидая увидеть гостью, потому что, едва заметив ее, издал изумленное восклицание и нахмурился. Александра поторопилась заговорить с ним, чтобы развеять опасения, которые, как она видела, уже испытывал юноша.

— Я приехала к Наталье Ступиной, — произнесла она сперва на всякий случай по-русски, затем тут же повторила по-французски, уяснив, что ее не понимают. — Она здесь живет?

— Здесь, — по-французски ответил молодой человек, несколько успокоившись. — Но ее нет, она в Париже.

Александра с досадой растерла озябшие ладони и невольно оглянулась на входную дверь, за которой слышался непрерывный гул ночного апрельского ливня.

— Она должна была меня ждать по этому адресу, — упав духом, произнесла женщина. — Я даже не знаю, где находится ее парижская квартира.

Но молодой человек, который представился Дидье, с чисто галльским дружелюбным добродушием предложил ей не волноваться.

— Наталья мне ничего не говорила, но если она вас ждет, переночуйте здесь. Утром она собиралась приехать. Я сам ее жду.

— А нельзя ли ей позвонить?

Но выяснилось, что Дидье не знал телефонного номера парижской квартиры, да и о ее местоположении имел самое смутное представление.

— Это где-то в Латинском квартале, недалеко от Сорбонны, — проговорил он и добавил с выражением восторга: — Шикарно!

Дидье оказался сыном соседа, чей сад и дом располагались сразу за оградой. Устраивая гостью на ночлег (спален на втором этаже оказалось несколько), молодой человек успел вкратце рассказать Александре обо всем на свете. В частности, о том, что сейчас он нигде не учится и толком не работает, потому что «пока присматривается», Наталья платит ему «кое-что», чтобы он «присматривал здесь за всем», а

СФИНКСЫ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

сама появляется редко. Ему девятнадцать лет, у него три сестры, из которых старшая уже присматривает за младшими, совсем маленькими. В целом, у Александры создалось впечатление, что Дидье и к ней «присматривается»: художница то и дело ловила на себе пытливый взгляд его больших голубых глаз, веселых и одновременно лукавых. Наконец молодой человек пожелал ей спокойной ночи и скрылся в коридоре, закрыв за собой облезлую дверь, некогда выкрашенную синей краской.

Оставшись одна, Александра опустилась на кровать, покрытую шерстяным красным одеялом. Пощупав тюфяк и с удивлением убедившись, что он набит соломой, она откинула одеяло и осмотрела пожелтевшие от старости простыни, плоскую подушку, словно еще хранившую отпечатки покоившихся на ней когда-то голов. Возле кровати на щелистом дощатом полу лежал коврик, связанный из цветастых тряпиц чьими-то терпеливыми руками. На окне сиротливо висела слишком узкая ситцевая занавеска, розовая в синий цветочек. Откинув ее, Александра приотворила разбухшую раму и впустила в спальню порыв свежего ночного ветра, принесшего с собой лепет капель, падавших с близкой крыши в водосточный желоб.

«Однако, что за восхитительная глушь! — сказала она себе, вглядываясь в непроглядную тьму, которую до самого горизонта не нарушало ни единое световое пятно. — Можно подумать, я перенеслась лет на сто пятьдесят назад... В пору дилижансов и газовых рожков...»

Переодевшись, женщина отправилась искать ванную комнату. Дверь в свою спальню она оставила распахнутой, чтобы падающий оттуда свет хоть немного освещал темный коридор. Все двери, которые она открывала, оказывались незапертыми. За ними находились комнаты, обставленные так же скудно и примитивно, как ее собственная спальня, или немногим лучше. Кровать, часто даже без матраца, простой стол, грубо сколоченный стул, шкаф топорной работы — типичная мебелировка большинства деревенских жилищ, обитатели которых куда больше времени проводят в поле, чем в доме. Спустившись на первый этаж, она обнаружила кухню пустой и темной. Дидье бесследно скрылся, и напрасно Александра, стоя посреди кухни, звала его, все больше повышая голос. Парень явно ушел домой. В более чем скромной ванной комнате, которую художница обнаружила на первом этаже, и вода, и газ в колонке были перекрыты. Она побоялась самостоятельно их открывать. С бытовыми устройствами ей патологически не везло, Александра опасалась устроить потоп, а то и взрыв, крутя незнакомые и не самые современные вентили. Приходилось смириться с тем, что придется лечь спать, не умывшись.

«Хотя, какие нежности... Можно умыться под водосточной трубой в саду! Дождевой водой, роскошно!»

Так художница и поступила. Входную дверь, по деревенскому обычаю, Дидье, уходя, не запер. Выйдя под навес, она немедленно обнаружила искомую бочку, уже переполненную, — вода так и хлестала в

СФИНКСЫ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

нее, стекая с крыши по желобу. Дождь, притихший было, внезапно вновь усилился. Александра тщательно вымыла руки с мылом, ополоснула лицо, почистила зубы и, вытираясь, несколько минут прислушивалась к невероятной, сокрушительной тишине деревни, давно спавшей крепким сном. Медля уходить, она усмехалась, вспоминая свою мастерскую в Москве, давно превратившуюся в берлогу из-за отсутствия элементарных удобств. Заброшенный дом, где располагались мастерские, почти все уже вымершие и покинутые, шел под реставрацию, и скоро этот последний приют предстояло покинуть... Нужно было куда-то перевезти все книги, инструменты, старые холсты, множество бумаг и прочего хлама, который Александра копила больше десяти лет жизни в мансарде, под крышей особняка. Расстаться с этим домом на Китай-городе для нее было бы так же странно и тяжело, как попрощаться со своим именем.

«Вот если бы у меня был на примете такой деревенский дом! — вдруг подумала она, не в силах вернуться в кухню, замороженная музыкой дождя, шумящего в весенней ночи. — Почти пустой, ничем не загроможденный, чистая страница, на которой можно рисовать все, что душе угодно! Ах, как бы мне было здесь удобно и хорошо! Простор... Покой... Невероятная тишина!»

Коренная москвичка, горожанка до мозга костей, чья любовь к пейзажам носила больше художнический интерес, чем личный, она внезапно ощутила острое желание уединения. Не одиночества в самом центре огромного города, которое стало ей привыч-

ным за последние годы, а настоящего затворничества. Александра с нежностью думала о жизни в этой деревне, затерянной среди невидимых и необъятных полей, о которых художница догадывалась лишь по запахам пробуждающейся земли, приносимым порывами теплого влажного ветра...

Вернувшись в дом, она все же заперла входную дверь на щеколду. Налив стакан воды из чайника, Александра пошарила в карманах куртки, висевшей на спинке стула. Она повесила ее здесь на просушку, и на каменных плитах пола уже образовалось несколько крохотных лужиц. Упаковка с таблетками отыскалась во внутреннем кармане. В последнее время у нее вновь, уже не в первый раз, нарушился сон, и художница порой прибегала к помощи снотворного. Вытряхнув из коробочки две голубоватые овальные таблетки, она запила их водой, прислушиваясь к легким скрипам лестницы. «Дом старый, полузаброшенный, — подумалось ей, — наверняка здесь множество невидимых глазу жильцов, которых и услышать-то можно только по ночам! Скорее всего, и полевки есть, ведь пашни рядом, и жучки-древоточцы, а может, даже и летучие мыши?!»

Закинув голову, она сделала последний глоток и осмотрела потолок, довольно высокий для деревенского дома. Давно не беленный, серый и покрытый паутиной, он лежал на балках из темного дерева, как почти в каждом доме в этих краях. Наружная проводка, проложенная вдоль балок и укрепленная загнутыми гвоздями, трещины в неровной штукатурке, свисающие с балок обрезанные нитки, служившие

СФИНКСЫ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

некогда для просушки перечных стручков или фасоли, — все это было обыкновенно, все встречалось художнице во время ее многочисленных странствий по европейским провинциальным городам и деревенькам.

Летучих мышей, которых Александра втайне боялась увидеть, к ее великому облегчению, не оказалось. Она не могла забыть единственного, поистине кошмарного случая, когда ей во время деревенской ночевки на Сицилии едва не вцепился в лицо потревоженный огромный нетопырь, которого она с первого взгляда приняла за кожаный мешок с орехами, подвешенный в углу возле очага. С тех пор Александра внимательно осматривала потолки помещений, где можно было хотя бы предположить наличие летучих хищников.

Ее внимание привлекла одна из верхних балок, вплотную примыкавшая к потолку. Балки были проложены крест-накрест: четыре массивные нижние несли на себе перпендикулярно уложенные верхние, более легкие, на которые уже опирался оштукатуренный деревянный потолок. На такой-то верхней балке, почти в самом центре потолка, она углядела в свете лампы металлический диск, похожий на блюдце. Он был прикреплен к балке сбоку, так что увидеть его снизу можно было, лишь находясь в определенном месте. Заинтригованная, женщина пододвинула стул и, балансируя, взобралась на сиденье.

Теперь можно было рассмотреть медальон, оказавшийся на расстоянии вытянутой руки. «Скорее всего,

он оловянный!» — предположила Александра. В диаметре диск был не больше десяти сантиметров, как раз с кофейное блюдце. К балке медальон крепился четырьмя гвоздями, забитыми так тщательно, что маленькие черные шляпки глубоко вдавились в мягкий серый металл.

— Любопытно! — Александра невольно произнесла это вслух и тут же оглянулась, словно проверяя, не потревожила ли кого.

«Не думала, что дом такой старый!» Продолжая изучать медальон, она дотянулась до него и осторожно провела пальцем по ободку. Стул покачнулся на неровных плитах пола, Александра испуганно схватилась за спинку и торопливо слезла. Она успела рассмотреть несложный рисунок, выбитый на мягком металле, рисунок примитивный и вместе с тем почти геральдически точный: одноэтажный домик между двух больших деревьев, похожих на дубы, которые переплели над его двускатной крышей свои кроны, так что невозможно было различить, где кончаются ветви одного дерева и начинаются другого. Внизу, у корней деревьев, значилась дата: 1814.

«Значит, второй этаж пристроили позднее, сперва дом был одноэтажным, более чем скромным!» — размышляла художница, гася лампу и почти ощупью взбираясь наверх. Из распахнутой двери ее спальни в коридор падала полоса желтого света.

Было уже далеко за полночь. Александра, привыкшая к ночным бдениям за работой, все же устала после перелета. Снотворное еще не давало себя знать,

СФИНКСЫ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

голова, к ее досаде, оставалась ясной. Женщина, погасив свет, легла, но, поворочавшись на жестком колючем тюфяке, встала и вновь включила лампу.

«А надо бы выспаться, завтра не придется полдня валяться в постели, приедет Наталья за своими сокровищами. И впрямь, рисунки подобной ценности можно так назвать. Август Маке, Жанна Маммен... Остальное попроще, но все же стоимость этого чемоданчика такова, что не стоит прогуливаться с ним ночью, в одиночестве, по темным улицам. Однако Наталью это почему-то не встревожило... А ведь она так торопила меня с приездом, будто для нее не было ничего важнее, чем получить эти рисунки!»

Бродить по пустому темному дому, чья архитектура и обстановка не представляли для нее никакого интереса, было лишено смысла. Александра с удовольствием прошла бы по саду, но дождь никак не утихал. Погасив свет и натянув одеяло до подбородка, она долго лежала в кромешной тьме с широко раскрытыми глазами, так что порой переставала понимать, опущены ее веки или подняты. В темноте мелькали огненные искры, похожие на те, которые ветер разносит над пылающим в ночи костром. Тогда Александра закрывала глаза, чувствуя, как под ресницами вскипают слезы крайней усталости. Был миг, когда полная тьма и оглушительное безмолвие, окружившие этот старый дом, стали действовать на нее угнетающе. Ей хотелось теперь, чтобы скорее наступил рассвет, прояснилось небо, раздались рядом человеческие голоса. «В такой тишине и темноте уже не понимаешь, это еще жизнь

АННА МАЛЫШЕВА

или уже смерть...» Эта пугающая мысль была последней: Александра внезапно уснула, растворившись в шуме ночного дождя, под плеск воды в желобе за приоткрытой створкой окна.

* * *

Ее разбудило яркое солнце, лучи которого падали прямо на постель. Взглянув на розовую занавеску, ставшую на просвет празднично яркой, Александра решила спросонья, что проснулась на заре и это ее отсвет зарумянил полинявшую ткань. Но, встав и выглянув в окно, художница обнаружила, что полуденное солнце стоит высоко.

Небо очистилось от облаков и сияло, как синее фаянсовое блюдо, только что ополоснутое в ручье. Сад, залитый солнцем, искрился и шумел на сильном теплом ветру, порывами налетавшем с полей. Поля тянулись до горизонта, как и предположила ночью Александра. Бескрайние, покрытые ослепительным зеленым бархатом едва взошедших побегов, они таяли во влажной дымке. Из окна была видна дорога, проходившая за оградой сада, виднелись и настезь распахнутые ворота, те самые, предположила художница, через которые она ночью попала в это владение. А у ворот стояла машина.

«Наталья приехала!» Торопливо одевшись, Александра спустилась на первый этаж и вошла на кухню как раз в тот момент, когда ее старая московская знакомая переступала порог.

СФИНКСЫ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

— Ты здесь! — воскликнула Наталья, ставя на пол матерчатую сумку, откуда высовывались два багета в коричневой оберточной бумаге. — Ну, слава богу, а то ведь мне вчера пришлось срочно уехать в Париж...

Они обнялись. Александра не виделась с Натальей года два и должна была признать, что за это короткое время та сильно изменилась. Женщины были ровесницами, но Наталья стала выглядеть куда старше своих сорока с небольшим. Она похудела, лицо покрыли мелкие морщинки, рот увял, каштановые волосы почти совсем поседели — Наталья, никогда не пользовавшаяся косметикой, их принципиально не красила. Прежней осталась только теплая улыбка этой женщины, да ее голос — хрипловатый, приятного тембра.

— Меня устроил на ночлег сын твоего соседа, Дидье, — сообщила Александра, стараясь не слишком пристально разглядывать хозяйку дома. — Милый молодой человек.

— А, Дидье... — протянула та, принимаясь доставать из сумки покупки и раскладывать их на столе. — Я сегодня должна ему заплатить. Он иногда здесь и ночует, я подозреваю, что не один... Но всегда за собой прибирается, так что я не в претензии... Он здесь?

— Кажется, я ночевала в доме одна... — улыбнулась художница.

— У него все ключи, он приходит и уходит, когда захочет... Сын прежнего владельца, кстати. Я купила дом у соседа! Он не мог больше его содержать... Что